

Зульф

Паркер Вортон прислоняется к стене рядом с камерой предварительного заключения. Судя по его рукам, засунутым в карманы, и идиотской улыбке на лице, он, кажется, очень доволен собой. Кроме того, я обращаю внимание на его мускулистое телосложение, песочно-каштановые волосы, уложенные гелем, и скупающие голубые глаза. Когда он защелкнул наручники на моих запястьях в нашем доме, ворвавшись туда с шерифом и его помощниками с оружием наперевес, он шепнул мне на ухо кое-что о Коре, и тогда я понял, что именно он был тем монстром, от которого она убегала, когда мы впервые встретились. Я сжимаю челюсть при мысли о том, что он имел над ней хотя бы какую-то власть, особенно в интимном плане, и надеюсь, его сведет с ума мысль о том, что трое мужчин готовы преклоняться перед ней, в то время как сам Паркер не стоит даже того, чтобы целовать подошвы ее туфель.

— Признание было бы очень кстати, — говорит он, не двигаясь.

Паркер простоял за решеткой столько же, сколько я просидел в этой чертовой камере. Наблюдая и ожидая.

— Для твоего повышения? — Я приподнимаю бровь.

— Зришь в корень, — пожимает он плечами. — Но мы можем пойти более сложным путем.

— Что, правда? — Я подхожу к решетке. — Тогда, черт возьми, давай попробуем.

— Ты мне угрожаешь? — Улыбка Паркера становится шире.

— Я бы не стал угрожать тебе, Паркер, это бессмысленное занятие, но рано или поздно твое прошлое тебя настигнет.

Он подходит ближе с мелькающим на лице любопытством.

— Ты имеешь в виду Кору?

Я тут же бросаюсь вперед и ухитряюсь схватить его за галстук, невзирая на то, что мои руки скованы наручниками и в таком виде их довольно сложно просунуть между узкими прутьями. Намотав галстук на руку, я тяну Паркера на себя, пока он не упирается лицом в решетку. Когда мы оказываемся в нескольких сантиметрах друг от друга, из него вырывается рычание.

— Если ты хотя бы взглянешь на нее еще раз... — говорю я тихо, чтобы моих слов не было слышно на аудиозаписях, — я позабочусь о том, чтобы ты никогда не смог уехать из этого города! И это угроза, ты, гребаный кусок дерьма!

Он хватается за прутья и, сумев просунуть руку внутрь камеры, отталкивает меня, а я позволяю галстуку выскользнуть из моих пальцев.

Я смеюсь, наслаждаясь страхом, вспыхнувшим в его глазах, и смотрю на то, как он пытается поправить свою одежду и притвориться, что ничего не произошло. Обычно мужчины, которые считают, что они стоят на вершине мира, ведут себя забавно, когда сталкиваются с настоящим хищником. Не имеет значения, что я нахожусь в камере, а он снаружи. Что у него есть значок, костюм и пистолет. У нас тоже есть оружие.

— Все в порядке, Паркер? — спрашиваю я, наклонив голову.

— Угроза агенту...

— Никаких проблем не возникнет, если ты будешь держаться от нее подальше.

Ну, это, конечно, ложь.

Независимо от того, послушает он меня или нет, я в любом случае подумываю вырезать его глаза и другие органы. К тому же мои угрозы больше походят на поддразнивание разъяренного быка. Уговаривать его держаться подальше — значит получить в ответ прямо противоположное. Я знаю это, и все же...

— Вульф, — слышу я за своей спиной бормотанье Аполлона, лежащего на одной из коек.

Отойдя от решетки и от придурка, стоящего за ней, я присаживаюсь на корточки рядом с другом.

Прежде чем в наш дом ворвались федералы, доктор успел поставить ему капельницу, чтобы вывести снотворное, которым его накачали, — но помимо этого Аполлону просто нужно выспаться.

— Не делай глупостей, — говорит Аполлон, протягивая руку и хватая меня за ворот рубашки.

Я усмехаюсь. Это я-то глупый?

Я слышу, как в конце коридора раздается звуковой сигнал, после которого отпирается замок основной двери. Спустя минуту рядом с камерой появляется шериф Брэдшоу, а за ним следует человек в костюме, которого впервые я увидел в нашем доме, как и Паркера. Последним в дверь входит мужчина, тоже одетый в костюм. Его я не видел много лет, поэтому мои брови поднимаются от удивления. Федерал в костюме останавливается рядом со своим протеже и хмуро смотрит на нас, а Паркер, который уже успел привести себя в порядок, старается выглядеть так, будто между нами только что не произошло стычки. Вероятно, он не хочет, чтобы его босс знал, что мы как-то связаны.

Шериф, самый расслабленный из присутствующих, отпирает дверь нашей камеры и распаковывает ее настежь. Сначала он подходит к Аполлону, для того чтобы снять с него наручники, а затем освобождает и меня.

— Что происходит? — спрашиваю я, потирая запястья.

— Вам разрешено поговорить с адвокатом, — объясняет Брэдшоу. — Если только ты не хочешь отказаться от него.

Мое внимание переключается на мужчину, стоящего у камеры. Этот адский пес известен тем, что... Хотя проще сказать о том, чем он неизвестен. Он делает все, что в его силах, дабы мой отец был счастлив. Обычно держащийся подальше от здания клуба и от

большинства дел Адских гончих, теперь этот человек стоит передо мной. Я знаю, что ему довольно щедро платят, дабы он по просьбе моего отца дергал за все имеющиеся у него ниточки, тем самым давая Церберу то, что он желает.

— Нет, — спокойно отвечаю я. — Мы встретимся с ним.

Я помогаю Аполлону встать, и шериф провожает нас в комнату для допросов — или как, черт возьми, она называется. В наши дни одна сторона этой комнаты зеркальная, а в углу другой стены стоит камера с мигающей красной точкой.

— Выключите, — велит адвокат шерифу, указывая на камеру. — В комнате не будет никакого наблюдения.

— Конечно.

Мы с Аполлоном занимаем одну сторону стола, а адвокат садится с другой и, открыв свой портфель, вытаскивает оттуда две стопки бумаг.

— Вы помните меня, мальчики?

— Ричард Джейкобс, — говорит Аполлон, прищурившись. — Вас трудно забыть.

— Вот в чем дело. — Ричард смотрит на камеру и, убедившись, что красная точка перестала мигать, кивает сам себе. — Цербер готов помочь вам выбраться из этого затруднительного положения.

— Но за определенную цену. — Я скрещиваю руки на груди. — Верно?

— Конечно, — спокойно отвечает Джейкобс. — Ваше освобождение зависит от того, вернетесь ли вы в Адские гончие.

Я не могу сдержать свою реакцию и фыркаю.

Черт бы побрал моего отца, именно этого он хотел.

— Зачем? — спрашиваю я, и Джейкобс как-то странно на меня смотрит.

— Вы что, не слышали?

— Слышали что? — Аполлон наклоняется вперед и хватается за край стола.

— Несколько часов назад на клуб Адских гончих напали Титаны. Это акт войны, и Цербер не позволит им выйти сухими из воды.

— Подожди. — Я поднимаю руку. — Они пришли в само здание клуба?

У меня кровь стынет в жилах при мысли, что в эту бойню могли быть втянуты Кора, Джейс и Малик.

— Церберу удалось выбраться из этой передраги невредимым, — догадывается Аполлон, похоже, даже не задумываясь о том, что Кора и Джейс были в здании. — Вот почему он послал тебя. Он где-то прячется?

Я же пытаюсь представить, скольких Адских гончих застали врасплох. Конечно, в клубе есть охрана, а дорога, ведущая на их территорию, патрулируется, но тех, кто следит за всем круглосуточно, можно пересчитать по пальцам. Кронос знал, что это будет война.

— Распишитесь здесь. — Адвокат подвигает ближе к нам стопки бумаг, каждая из которых предназначена для одного из нас. — Это сделка о признании вины, заключенная от вашего имени.

— В чем мы признаемся, если подписываем это? — Взяв ручку, я постукиваю ее концом по бумаге, сразу же заподозрив неладное.

Моему отцу нравится действовать как в рамках закона, так и вне их, и у меня возникает чувство, что эти

бумаги просто часть сети, которая была создана для того, чтобы заманить нас в ловушку. Я просматриваю первую страницу, а затем перехожу ко второй. В этих бумагах целая куча юридического дерьма, в котором я ни черта не смыслю.

— Вы признаетесь в том, что перевозили наркотики, к чему вас принудил Уэсли Грейс. Вы собирались сдать полицию, но Кронос раскрыл ваш план. — Джейкобс хмурится. — Также вы даете показания о том, что он удерживал Кору Синклер на своей территории против ее воли. И это стало особым стимулом для вас, когда он приступил к шантажу и заставил торговать наркотиками в обмен на ее жизнь.

Это похоже на серьезное обвинение, хотя хронология событий несколько нарушена. Естественно, мой отец решил воспользоваться этой ситуацией как возможностью указать Управлению по борьбе с наркотиками Стерлинг Фолса на Титанов. Я просто не уверен, что у него это получится. В конце концов, мы не знаем, на чьей они стороне и чьими деньгами набивает свои карманы Паркер Вортон.

— В обмен на это признание вам не придется отбывать тюремный срок или находиться на испытательном. Вам всего лишь потребуется дать показания, когда мистер Грейс предстанет перед судом.

Если он предстанет перед судом.

— Меня все устраивает, — ворчит Аполлон. — Это означает, что мы заключаем контракт с Цербером?

— Такова цена бизнеса, джентльмены, — улыбается адвокат. — Либо так, либо тюрьма.

Я смотрю на Аполлона, а затем снова на адвоката.

— Что случилось с Джейсом и Корой? — наконец задаю я тревожащий меня вопрос.

Ричард Джейкобс ерзает на своем стуле, и это единственный намек на то, что что-то не так.

— Он присоединится к вам, — говорит он, и волосы на моем затылке встают дыбом.

Возможно, он лжет, но у нас нет выбора. Единственный способ узнать правду — убраться отсюда, поэтому я поднимаю ручку и ставлю подпись под своим именем; Аполлон следует моему примеру.

Джейкоб встает и широко улыбается нам.

— С возвращением в семью, мальчики.

Шесть месяцев спустя

Глава 1

Кора

В моей версии ада всегда тихо. Тупиковые улицы окружены полями и лесами, а над ними стелется голубое небо. Поблизости не видно ни детей, ни соседей, ни машин, ни общественного транспорта, ни людей. Посреди этой тишины я направляюсь к дому в конце улицы и слышу лишь скрип своих шагов и тиканье часов, которое эхом отдается в моей голове, даже учитывая, что при мне их нет.

Тик-так, тик-так.

Здесь живут мои призраки. Здесь мои демоны начинают проникать под мою кожу. За каждым углом есть что-то, что жаждет напомнить мне то, кем я была, и о человеке, который сделал меня тем, кем я была. Он прячется в тенях моего разума. Красноглазый бог, преследующий меня во снах. Однажды он сказал, что ему интересно посмотреть на то, какой будет моя версия ада.

Что ж, мой ад таков. Он страстно желал увидеть его, но, полагаю, не мог даже подумать, что я окажусь здесь без него.

Захваченную волной страха, меня уносит в море снов.

Во сне я говорю ему: «Милый, это все ерунда».

Не нужно говорить слишком громкие слова, поднимать шум и ворошить прошлое, потому что оно может быть более липким и кровавым, чем ты способен себе представить.

Но вот однажды это происходит. Прошлое возникает буквально из ниоткуда и хватает тебя за горло. Я ничего не могу сделать, чтобы спастись или помешать прошлому поглотить меня. На мои плечи тяжелым грузом падают смерть и боль, и этот груз не даст избежать уготованной для меня участи.

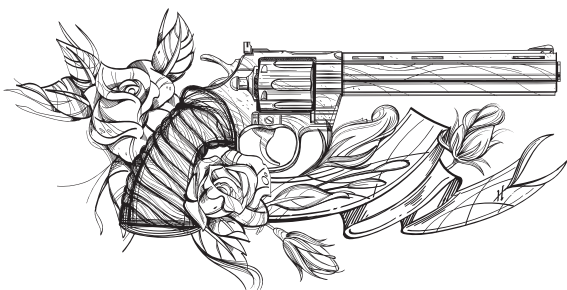
Как там говорил Шекспир?

...У бурных чувств неистовый конец¹...

Что ж, я сыта по горло этими бурными чувствами. Он уже вкусил кровь с моих губ, наслаждался трофеем побед моих богов, и теперь мой жестокий конец кажется справедливым.

---

¹ «Ромео и Джульетта» Уильяма Шекспира (пер. Бориса Пастернака).

Глава 2

Аполлон

Достав пистолет, я целюсь в окно, через которое внутрь пролезает незванный гость. Его ноги мягко касаются ковра, а фигура распрямляется.

— Ты собирался меня застрелить? — спрашивает Тэм, сбрасывая капюшон с головы.

— Просто предосторожность, — морщусь я и убираю свой пистолет. — Что ты здесь делаешь?

Я хватаю ее за руку и оттаскиваю от окна. В наши дни нужно быть осторожными, поэтому Тэм ждет, пока я закрываю окно, жалюзи, а за ними шторы. Затем я также запираю и дверь в свою спальню.

— Аполлон.

Я смотрю на своего близнеца, с которой так редко виделся на протяжении этих нескольких месяцев. Она приходит сюда, только когда мы уверены, что нас никто не увидит. Я ненавижу то, какими стали наши отношения, будто наше родство это какой-то большой секрет. Волосы моей сестры заплетены в косу, а одета